

«АЗОВСКИЕ ИСТОРИИ» ПЕТЕРБУРГСКИХ АКАДЕМИКОВ (1736–1737 гг.)

Кирикова Ольга Александровна

Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук,
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН,
Санкт-Петербург, Россия
kirikova.o@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена обстоятельствам создания и бытования двух сочинений по древней и новой истории Крыма и Приазовья, написанных профессорами Петербургской академии наук Т.З. Байером и Г.Ф.В. Юнкером в 1736–1737 гг. Работы появились в разгар русско-турецкой войны, что придало им еще большую остроту, а принадлежность авторов к негласной *rei publicae litterariae* ввело в канон европейской научной литературы. При этом Байер и Юнкер показали разные исследовательские подходы: первый, будучи «кабинетным» ученым, привлек труды классиков и проследил историю края с древности до начала XVIII в., второй описал современное его состояние, которое видел сам. Работы имели разную судьбу: «Азовская история» Байера была сразу опубликована и вошла в гимназическую программу как образцовый «русский автор», а из сочинения Юнкера напечатали лишь отрывок спустя тридцать лет. В данной статье обе работы впервые проанализированы вместе, для чего использованы неизвестные ранее архивные материалы, в том числе две авторские редакции труда Юнкера. Исторические сочинения Байера и Юнкера рассказывают о регионе, имевшем немалое научное и стратегическое значение для Российской империи.

Ключевые слова: Крым, Приазовье, Украина, Т.З. Байер, Г.Ф.В. Юнкер, Академия наук, Крымский поход, история науки.

Цитирование: Кирикова О.А. «Азовские истории» петербургских академиков (1736–1737 гг.) // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 120–134.
DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-120-134 / Kirikova O.A. "Azov Histories" by Petersburg Academicians (1736–1737), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 1. Pp. 120–134.
DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-120-134.

© Кирикова О.А., 2022

“AZOV HISTORIES” BY PETERSBURG ACADEMICIANS (1736–1737)

Kirikova Olga A.

St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch of the Archive of Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia
kirikova.o@bk.ru

Abstract. The article concerns with two writings about the ancient and modern history of Crimea and the Azov Sea Region, composed by the professors of St. Petersburg Academy of Sciences: T.S. Bayer and G.F.W. Juncker in 1736–1737. The works appeared at the height of the Russo-Turkish war, which made them highly topical; the authors' membership of a virtual *rei publicae litterariae* also introduced them into the canon of European literary history. Besides, Bayer and Juncker applied different research methods: the first, as an “armchair” scholar, used the classics and studied the history of the region from antiquity till early 18th century, the latter described its modern conditions which he could observe himself. The writings' fate differed: “Azov History” by Bayer was right away published and introduced into Russian gymnasium course as an exemplary “Russian author”; another by Juncker was issued in extract in thirty years. The article first examines the writings together, with unknown archival materials and two author's versions of Juncker's work as well. The historical pieces by Bayer and Juncker relate to the region, which was scientifically and strategically significant for Imperial Russia.

Keywords: Crimea, the Azov Sea area, Ukraine, T.S. Bayer, G.F.W. Juncker, Academy of Sciences, Crimean Campaign, history of science.

Известно, что нарративы европейской экспансии, появившиеся в раннее Новое время, будучи, по сути, этноцентричными, при создании новой картины мира долго не принимали в расчет русские источники [Vermeulen, 2015, p. 87]. Ситуация стала меняться со вступлением иностранцев в русскую службу при Петре I, а с открытием в Санкт-Петербурге Академии наук продвижение России на Юг и Восток вошло в канон европейских исследований. Но если западные путешественники, чтобы получить представление о разных уровнях «варварства» и «цивилизованности» и в конечном счете пересмотреть образ самого европейца, должны были ехать в дальние страны [Guthke, 2018, p. 77–78], то европейские ученые на русской службе могли работать, не покидая пределов Российской империи, географически протяженной, национально и культурно многообразной и почти неизведанной. И как в Европе времен Великих географических открытий государственные интересы предвзяли научные, так и в России первой половины XVIII в. государство, заинтересованное в политических и экономических сведениях о своих и приграничных землях, поддерживало их изучение. Необходимость блюсти государственный интерес усложнила контекст создания исторических работ, а заодно и их восприятие. На трудности изучения прошлого России указывал и профессор Г.Ф. Миллер, в 1732 г. начиная новое академическое периодическое издание «Sammlung Rußischer Geschichte» («Собрание всяких до российской истории надлежащих известий») [Müller, 1732, S. 2]. Сборник был призван не только удовлетворить любопытство читателей, но и облегчить труд историков, прежде всего европейских: снабдить их достоверными сведениями и таким образом постепенно заполнить информационные лакуны. Опубликованные в нем работы до сих пор интересны исследователям, представляющим разные дисциплины: историю, географию, этнографию, социологию.

В 1736–1737 гг. на страницах «Sammlung Rußischer Geschichte» без указания автора, на немецком языке по частям вышло сочинение об «азовских и крымских событиях», известное как «Азовская история». В 1737 г. отдельные публикации были собраны в книгу, также оставшуюся неавторизованной; в 1738 г. она вышла в русском переводе адъютанта И.К. Тауберта [Bayer, 1737; Байер, 1738]. И хотя фамилия автора по-прежнему не указывалась, было известно, что это – Теофил (Готлиб) Зигфрид Байер – профессор восточных древностей Петербургской академии наук и инспектор ее гимназии. Уже к середине 1730-х гг. им была написана серия статей о древних жителях Причерноморья и создана карта Руси X в. с прилегающими территориями [Сыщиков, 1996, с. 67–68]. Что же заставило ученого взяться за перо в этот раз? Только ли научный интерес двигал им? Эти вопросы вызваны двумя обстоятельствами: языком и временем написания «Азовской истории».

Т.З. Байер, признанный специалист по древней истории и восточным языкам, в соответствии с научной традицией писал свои работы на латыни. Он с юности превосходно владел этим языком и, как признавался сам, даже думал на нем [Копелевич, 1977, с. 91]. Все сочинения Байера петербургского периода написаны также на латинском, за исключением нескольких, составленных ex officio: похвальной речи Екатерине I, учебника по древней истории для Петра II, документов Академической

гимназии и... «Азовской истории» [Сыщиков, 1996, с. 67, 69, 70]. В связи с этим можно предположить, что и она была частью его историко-филологических занятий по академии или же «заказной» работой на актуальную тему, в которой счастливо совпали научные интересы автора и требования времени, ведь в сочинении описывалась история земель, где в то время разворачивались события русско-турецкой войны.

С другой стороны, в середине 1730-х гг. Академия наук активизировала изучение новой истории России и сопредельных государств, к чему академиком всячески поощрял президент барон И.А. Корф, видевший не только научное, но и прикладное политическое значение этой работы. В собрании академической Конференции 17 января 1735 г. он сетовал на то, что в академии не публикуются труды, «откуда бы можно было доподлинно узнать о людях, находившихся в русской службе, например, при осаде Данцига или завоевании Персии» [Протоколы..., 1897, с. 137]¹. По его мнению, подобные истории произвели бы впечатление на читающую публику, «особенно когда в немецких и прочих типографиях появляются рассказы, полные пристрастных и вымышленных фактов» [Протоколы..., 1897, с. 137]. В сентябре 1736 г., когда военная кампания на Юге шла к концу, по запросу академии Коллегия иностранных дел составила для нее справку об Азове XVII в. [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 84, л. 1–3]. А двумя месяцами ранее Байер передал в академический архив сочинение «Азов под властью генуэзцев, татар и турок», вошедшее в цикл его работ по истории региона [Протоколы..., 1897, с. 286]. Новейшие архивные изыскания показали, что в академии не только Байер работал тогда над этой темой.

В так называемых «портфелях Миллера» из собрания Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Москва) сохранилась немецкая иллюстрированная рукопись на 112 листах, составленная в то же время, что и работы Байера: «Обстоятельное описание о нынешнем состоянии земель и народов между Днепром и Доном и особливо о здешнем казачестве, по долгу своему представленное С.-Петербургской Императорской академии наук, по возвращении из путешествия, Готлобом Фридрихом Вильгельмом Юнкером, оной академии членом и профессором политики. Санкт-Петербург в феврале месяце 1737» («Gegründeter Bericht von der gegenwärtigen Beschaffenheit der Länder und Völcker zwischen und an dem Dnieper und Donn und besonders dem desigen Cosackischen Wesen an die Kayserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg nach zurückgelegter Reise schuldigst abgestattet von Gottlob Friedrich Wilhelm Junckern gedachter Academie Mitgliede und Professore Politices. St. Petersburg im Monath Februario. 1737») [РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 342, ч. 1, д. 6]².

Кроме того, в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) хранится еще один экземпляр этого сочинения, только под другим названием и без указания автора: «Первый главный раздел о землях и народах между

¹ Здесь и далее перевод с немецкого выполнен автором.

² Автор искренне признателен П.А. Авакову за сообщение о месте хранения документа.

Днепром и Доном, которые к Российской империи относятся и имеют свое особое устройство» («Erste Haupt-Abtheilung von denen Ländern und Völkern zwischen dem Dnieper und dem Don welche zum Russischen Kayserthum gehören und ihre besondere Verfaßung haben») [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120]. Эта рукописная книга на немецком языке объемом в 162 листа, под цветной «мраморной» обложкой с перистым узором, лишена иллюстраций (хотя отсылки к ним в тексте есть), но имеет множество записок на полях. В отличие от рукописи из «портфелей Миллера», основной ее текст расположен на левой странице (оборотной стороне архивного листа), в то время как правая страница (лицевая сторона) всегда свободна. Лишь раз автор так увлекся рассказом о местах проживания запорожских казаков, что ему не хватило левой страницы, и он перешел на правую [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 16об.–17]. Обычно в любой объемной рукописи, которую писец всегда завершал уставшим, почерк, ровный и старательный в начале, от листа к листу терял свою аккуратность. Здесь же его характер практически не меняется, что позволяет думать о значительных перерывах в работе.

Пометы на полях написаны карандашом все тем же почерком, многие угасают, что затрудняет прочтение и интерпретацию этих и без того коротких, часто сокращенных надписей. Например, рядом с рассказом о строительном материале сибирских и южных могильников и о том, что автор получил образец такого «камешка» от полковника фон Фермора, «который во время путешествия по Сибири самолично осматривал сии развалины» («der auff seiner Syberischen Reise, diese Rudera selbst besehen»), еще можно прочесть сухое: «P. Müller u. Gmelin» («П[рофессора] Миллер и Гмелин») [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 87об.]. Но большая часть помет – это исправление основной информации, что вполне естественно, поскольку в тексте много говорится о временных явлениях: о военных сооружениях, которые потеряли значение с окончанием войны, или о мирных договорах, которые, наоборот, утратили смысл с началом войны. Например, одинаково отмечены сообщения о границах Слободской Украины и об административном статусе города Глухова: «NB. Veränderung» («NB. Изменение») [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 19об., 31об.]. Похожие по смыслу пометы стоят возле сообщений о сражениях: так, рассказ об устройстве шанцев и приготовлениях к обороне во время кампании 1736 г., когда казаки взяли две башни на Дону, отмечен словами: «NB. Derselben Rassirung» («NB. Оному снос»); о старой циркумвальной линии вокруг Азова сказано: «NB. Alles rassiret» («NB. Все снесено»); о крепости Лютик указано: «NB. Geschleiff» («NB. Срыто») [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 49об., 51об.]. Все это позволяет заключить, что пометы носили редакторский характер и что опубликовать рукопись планировалось не сразу.

Книга разделена на семь глав: 1) «О границах с Польшей и Турцией», 2) «О княжестве Смоленском», 3) «Географическое описание Малороссии, вообще называемой Украиной, а также земель слободских и донских казаков и однодворцев», 4) «О природных свойствах земель между Днепром и Доном», 5) «О ремеслах и фабриках на землях между Днепром и Доном, и особенно о казачьих», 6) «О торговле в этих

краях», 7) «О церковных и школьных делах». Разные по объему и темам главы посвящены одному и тому же предмету: землям в Доно-Днепровском междуречье и их обитателям. Самые пространные главы III и IV, о географии и о природе, занимают вместе 139 листов, более 4/5 всей книги. Но при внимательном изучении глав сразу видно, что их содержание гораздо шире заголовков. В главу III вошли не только географические сведения, но и факты древней и новой истории. Точно так же в главе IV оказались не только обещанные «природные свойства» края: климат, дикие и культурные растения, полезные ископаемые, но также их экономическая польза и влияние на здоровье человека.

Главу VI автор не завершил: исписав полностью страницу на обороте л. 159, он оборвал последнее предложение, возможно, не успев или раздумав его дописывать; в любом случае он не поставил привычную для себя кустоду: «И в Украине есть только одно привилегированное торговое общество, а именно: греческое в Нежине, которое также в 1736 г. получило императорскую привилегию на то, что оно либо русск[ие], либо казацк[ие]...» [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 159об.]. Первое предложение следующего листа не имеет начала и, несмотря на то, что почерк другой, не вчитываясь, можно подумать, что это продолжение предыдущего текста, дописанное за автора кем-то другим. Однако при чтении становится понятно, что изменился не только почерк, но и сам текст: речь в нем идет о казацком суде, что при всем желании никак не связано с вышеуказанной торговой привилегией [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 160]. Тем же новым почерком начата глава VII «О церковных и школьных делах». От нее в книге осталась неполная страница, хотя писать автор собирался, как видно, обстоятельно, поскольку подошел к вопросу издали: с обращения киевского князя Владимира Святославича в христианство и с захвата Галицко-Волынского княжества польским королем Казимиром III Великим [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 162]. Кто взялся за петербургскую рукопись второй раз и почему она дважды оборвалась, пока не удалось установить. Одно несомненно: большая ее часть написана почерком Юнкера. Таким образом, его «Обстоятельное описание...» существует в двух редакциях: первая, авторизованная и датированная, хранится сегодня в РГАДА, вторая, анонимная и не датированная, — в СПбФ АРАН. Скорей всего, второй список появился вследствие заведенного в Академии наук порядка: в архив отдавать подлинник научной рукописи, оставляя автору копию [Протоколы..., 1897, с. 145].

Об «Обстоятельном описании...» скупо упоминается в записках Г.Ф. Миллера, современника событий [Материалы..., 1890, с. 451]. Из исследователей же первой о Юнкере как об авторе работы о Крыме и Приазовье написала Ю.Х. Копелевич, много занимавшаяся академической историей [Копелевич, 1977, с. 147]. Его сведения об античных памятниках проанализировала И.В. Тункина [Тункина, 2002, с. 29–31]. П.А. Аваков выдвинул предположение об участии Юнкера в составлении военного журнала Крымского похода графа Б.Х. Миниха, легшего в основу другого сочинения ученого о кампании 1736 г. [Журналы..., 2017, с. 19–20]. Однако контекст появления и бытования «Обстоятельного описания...» до сих пор не изучен полностью. Между

тем, эта работа написана европейцем, оказавшимся в гуще событий русско-турецкой войны 1735–1739 гг., амбициозным профессором, чей ученый статус вызывал сомнение у ряда его коллег. Подоплека событий, повлиявших на появление данного сочинения, представляет для исследователя немалый интерес с точки зрения культурной географии, исторической антропологии и социальной истории.

В 1735–1736 гг., накануне начала и во время первых двух кампаний русско-турецкой войны, профессор Петербургской академии наук Юнкер в качестве историографа сопровождал генерал-фельдмаршала Миниха в Польше, на Украине и в Крыму [Материалы..., 1890, с. 379]. Ученый уже имел подобный опыт: во время осады Минихом Данцига в 1734 г. он исполнял те же обязанности. По материалам, собранным тогда, Юнкер написал книгу о польском короле и саксонском курфюрсте Августе II Сильном. По свидетельству историографа Миллера, это сочинение, опубликованное на латинском языке в Варшаве и на немецком в Берлине, узаконило Юнкера в профессорском звании и обеспечило королевской пенсией [Материалы..., 1890, с. 323–324; СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 23, л. 11–12об.]. Однако, если судить по протоколам Конференции начала 1735 г., тогда Юнкер не собирался покидать Петербург, а наоборот, участвовал в текущей академической деятельности и строил вполне мирные планы: отослал В.Н. Татищеву экземпляр новейшего географического описания России, выправленный по И. Гюбнеру; составил список авторов, писавших о России и Лифляндии; разыскал людей, участвовавших в Персидском походе Петра I; объявил о готовности читать учащимся Сухопутного шляхетного кадетского корпуса немецкую риторику; подготовил записку «...касательно введения одинаковых книг во всех школах Российской империи»; наконец, посетил Миниха, чтобы получить у него разрешение на просмотр бумаг полковника И.Г. Гербера, автора исследования о Прикаспии и Кавказе [Кирикова, Костина, 2020; Протоколы..., 1897, с. 135, 136–137, 142, 143].

Возможно, тогда Миних и предложил Юнкеру присоединиться к походу, чтобы самому наблюдать, как вершится история, стать не только свидетелем, но и участником событий, а потом написать об увиденном (подобно Герберу, но только о других землях и народах). Юнкер так и поступил. В мае 1735 г., пока ставка Миниха для поддержки Августа III еще оставалась в Варшаве, он, по совету профессора Байера, занялся сбором «подлинных сведений, которые в будущем послужат написанию полной истории теперешней [польской] кампании» [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 19, л. 106]. Летом того же года Юнкер в свите фельдмаршала оказался уже на Украине, куда в преддверии войны с Османской империей стягивались русские войска. На новом месте он продолжил собирательскую деятельность, для чего предпринял несколько коротких местных экспедиций и обзавелся широким кругом информаторов: некий корреспондент сообщал ему об Острогожском и Сумском слободских полках; доктор Милиус, служивший в Харькове, рассказывал о природе края; казаки и солдаты доносили о курганах в Крыму, на Дону и на Днепре [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 40об., 71об.–72об., 89об.; Тункина, 2002, с. 29–30].

Древние захоронения в степи чрезвычайно занимали Юнкера. Описывая их, он давал точные ссылки на авторитетных авторов. Например, сравнил свои наблюдения с впечатлениями путешественника О. де ла Мотре: «Подобные могильные насыпи, называемые “курганами” (Мотре в Т. II своего “Путешествия”, на с. 61 пишет, что он видел такие курганы на Кубани, возле Тамани и Темрюка, и точно такие же – в английском Хартфордшире), в которых находили оружие, лошадиную сбрую, женские украшения и другую утварь, в большом количестве встречаются не только в Сибири возле Семи Палат, на берегу Иртыша, и в Алтайских горах, но и не меньше в Кубанской степи, между городами Астрахань, Царицын и Черный Яр, а также в Аксайских горах на Аксай-реке, недалеко от крепости Св. Анны на Дону и по всей степи на той стороне Донца и линии между Днепром и Доном и даже в Крыму» [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 70об.]. А в рассказе об изваяниях «калмыцких и китайских татар» Юнкер сличил надписи на них с византийскими данными археолога и нумизмата А. Бандури [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 86об.].

По всем вопросам, касавшимся древней истории, Юнкер обращался к Байеру, а в письме от 23 октября 1735 г. уже представил ему образец своего нового сочинения и попросил прислать материалы, необходимые для дальнейшей работы [СПбФ АРАН, ф. 784, оп. 2, д. 5, л. 81–82]. Скоро от Байера пришло письмо, в котором он в целом одобрил труд Юнкера, но предложил исправить «некоторые места, способные ввести в заблуждение наивных людей» [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 19, л. 78–79об.]. Юнкера консультировали и другие профессора, подготовившие по его просьбе инструкцию по сбору сведений о географии, истории, политике и физическом состоянии земель между Днепром и Доном [Тункина, 2002, с. 29]. Однако ответы из академии приходили редко и с большими интервалами. 1 февраля 1736 г. Юнкер пожаловался начальнику академической канцелярии И.Д. Шумахеру, что кроме единственного письма, которое нашло его год назад в Варшаве, он не получил ни строчки из академии; Байер же написал ему лишь раз, изрядно подсластив горькую пилюлю критики «пустыми расшаркиваниями и пожеланиями» [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 23, л. 11–11об.]. О том, что Байер написал о древнем Азове, Юнкер узнал, получив от Шумахера экземпляр работы. «Как по содержанию, так и по слогу это чрезвычайно основательная и добротнo начатая вещь, и я ничуть не сомневаюсь, что продолжение будет столь же удачным, – отвечал Юнкер. – Хотя господин профессор здесь меня опередил, мне неважно, кто сочинитель, при условии что читатель получит удовольствие от произведения, написанного членом академии. Единственно он оказал бы мне услугу, если бы так и оставался при древней истории, а мне бы позволил писать о событиях среднего и нового времени, поскольку я этим уже занимаюсь, да и ему также будет все равно, так как диссертации в наших Русских Собраниях даются без указания авторов» [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 23, л. 14]. Если пролистать номера «Sammlung Rußischer Geschichte», можно убедиться, что диссертации, то есть рассуждения о спорных предметах, действительно публиковались неавторизованными: например, другая статья Байера (о кубачинцах) из того же самого выпуска, что и первая часть его «Азовской истории» [[Bayer], 1736a; [Bayer], 1736b].

Юнкер не погрешил против истины, когда написал Шумахеру о своих исторических занятиях. Как указывалось выше, он методично собирал сведения по истории и географии тех областей, куда его заводила судьба. Кроме того, благодаря близости к высшим командным кругам, он имел реальное представление о происходящем. Конечно, Юнкер не участвовал в военных действиях, но добросовестно исполнял обязанности историографа и секретаря при Минихе: вел переписку, заказывал для него книги, составлял сообщения (Piesen) о текущих событиях, которые регулярно отсылались в столицу обер-камергеру графу Э.И. Бирону, хвалившему их [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 19, л. 105об.–106; д. 23, л. 11об.]. Материал для своих «пьес» Юнкер мог черпать из походного дневника Миниха, к составлению которого, возможно, был причастен. Неслучайно подмечена «нарочитая литературность и художественность» этого документа, отличающегося от сухих и лаконичных походных журналов М.И. Леонтьева и П.П. Ласси [Журналы..., с. 19–20]. Об осведомленности Юнкера говорит и то, что он заметил неточности в картах военных действий, выгравированных при академии [Санктпетербургские ведомости, 1736, № 55, с. 439; СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 23, л. 14].

В прессе читателей убеждали, что «...войска в преизрядном состоянии находятся, провианта имеют великое множество, воздух в тамошних местах очень здоровой» [Санктпетербургские ведомости, 1736, № 73, с. 585–586]. Однако Крымский поход 1736 г. не был загородной прогулкой: армия теряла людей не столько в сражениях, сколько на марше и на стоянках из-за антисанитарии, физических перегрузок, недостатка в обмундировании, провианте и питьевой воде. Большое число больных в армии Миниха стало одной из причин ее скорого и значительного сокращения [Баиов, 1906, т. I, с. 257]. Заболел и Юнкер; видимо, этим можно объяснить его интерес к обеспечению армии медикаментами и врачами – для него это был в буквальном смысле «больной» вопрос [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 23, л. 7, 13]. Война давалась нелегко этому сугубо штатскому человеку – он мечтал о возвращении в Петербург, к спокойному, мирному ходу вещей. Кроме того, ему не терпелось вынести на суд коллег свой труд. «Теперь же мы идем на зимние квартиры, – писал Юнкер в сентябре 1736 г., – мне отведен постой в знаменитом Печерском монастыре, в Киеве, в уединении которого я смогу и сам собраться с силами, и собрать кое-какие сведения, а потом, в середине ноября, как только ляжет санный путь, думаю, тронемся в дорогу» [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 23, л. 13–13об.]. 21 декабря 1736 г. его начальник Миних уже был в столице [Санктпетербургские ведомости, 1736, № 104, с. 831]. Вероятно, тогда туда прибыл и Юнкер; по крайней мере, о его появлении в академии сообщают протоколы начала 1737 г.

28 февраля 1737 г. Юнкер принес в Академию наук свое «Обстоятельное описание...» [Протоколы..., 1897, с. 362; Тункина, 2002, с. 29–30]. К его работе вначале отнеслись сдержанно, было много замечаний. Юнкер тут же правил места, с критикой которых был согласен, однако обвинения в недостоверности твердо отклонял. Например, когда Корф усомнился в правдивости рассказа о затонувших зданиях на дне Азовского моря и посоветовал тщательнее проверять информацию местных

жителей, Юнкер ответил, «...что приложил немало усилий, поэтому сообщил истинную правду» [Протоколы..., 1897, с. 372; СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 67об.]. Постепенно настороженное и снисходительное отношение коллег сменялось заинтересованностью. Под конец все настолько увлеклись чтениями, что, согласно протоколу: «...ни за какие дела не принимались, только слушали проф. Юнкера» [Протоколы..., 1897, с. 408]. 19 сентября 1737 г. само сочинение и экспедиционный материал были сданы в архив [Протоколы..., 1897, с. 424]. Видимо, уже тогда у автора на руках была снятая им самим копия. В 1739 г. президент Корф приказал профессору Я. Штелину привести работу Юнкера в порядок и издать вместо «Примечаний» к газете «Санктпетербургские ведомости», предсказывая книге успех у читателей [Протоколы..., 1897, с. 559]. Однако по неустановленной причине публикация не состоялась, и в январе 1741 г. бумаги вновь положили на полку [Протоколы..., 1897, с. 647–648].

С августа 1737 г. Юнкер в чине гоф-камеррата служил смотрителем солеварен в Торе и Бахмуте, о которых еще в прошлогоднюю кампанию составил фискальную записку. 11 ноября 1746 г. он скоростижно скончался в Петербурге. Семьи у Юнкера не было, и для разбора личного архива ученого, поскольку он состоял на важной государственной службе, была создана сенатская комиссия. Просмотренные ею бумаги и вещи в 1754 г. были переданы в Академию наук. Здесь документы изучил Миллер, заявивший, что среди них — то самое сочинение Юнкера, которое читалось в Конференции в 1737 г., точнее его вариант [СПбФ АРАН, р. V, оп. 1-Ю, д. 2, л. 4]. Так в архиве Академии наук на некоторое время оказались обе рукописи юнкеровского «Обстоятельного описания...».

О том, что поступившая из Сената рукопись всегда была при авторе, свидетельствуют исправления и комментарии на ее полях. Самую позднюю дату имеет вставка о «покойном суконщике Болотине», с которым Юнкер в Москве в 1741 г. экспериментировал над производством кожи [СПбФ АРАН, р. III, оп. 1, д. 120, л. 123об.]. Дату смерти суконного фабриканта С.Е. Болотина установить не удалось, но его фамилия встречается в официальных документах 1741–1744 гг. Наиболее позднее упоминание о нем — в сенатском указе от 23 ноября 1744 г. [ПСЗ, 1830, с. 271–273]. Опираясь на эту дату, можно предположить, что Юнкер правил рукопись в последний раз не ранее ноября 1744 г. Значит, почти до самой смерти он не оставлял работу над книгой (и, возможно, собирался написать дополнительный раздел или даже несколько разделов). В результате авторской редакции ее первоначальный объем значительно вырос (159 листов против 112-ти).

В 1764 г. Миллер, наконец, опубликовал в «Sammlung Rußischer Geschichte» отрывок из сочинения Юнкера с совершенно нейтральным сюжетом о природе края, благо-разумно отказавшись от публикации тех глав, где речь шла о границах, населенных пунктах и прочем, что могло иметь негативный резонанс на фоне тогдашних отношений с Османской империей [[Juncker], 1764]. В таком виде сочинение не затрагивало «спорных предметов», а значит, не являлось больше диссертацией, поэтому в публикации не только назван автор, но и дана его краткая биография. Поскольку

Миллер не привел никаких подстрочных примечаний и маргиналий, можно предположить, что он использовал для издания рукопись сочинения в первой редакции, без авторской правки, читанную Юнкером в академии в 1737 г. Это также объясняет, почему именно этот экземпляр рукописи покинул академический архив и отложился в московских «портфелях Миллера»: Миллер вывез с собой в Москву часть подлинных академических бумаг, чтобы по ним писать историю Академии наук [Голицын, 1899, с. 17].

Итак, почти одновременно Байер и Юнкер создали собственные «Азовские истории», используя при этом разные подходы. В результате получились совсем непохожие произведения: научный трактат и путевой дневник, написанный больше поэтом, чем ученым. Байер, один из самых образованных людей Российской империи того времени, являл собой образец «кабинетного ученого», знатока древних языков и древней же истории. Конструируя картину мира в своей книге об Азове, он подчинялся привычным для себя и для читателя-интеллектуала «чувству места» и «чувству пространства», поэтому для описания Крыма и Приазовья использовал не только античные и восточные источники, но и канонические западные, например – «Северную и Восточную Тартарию» Н. Витсена [Байер, 1738, с. 3; Bayer, 1737, S. 7]. По-иному вел себя Юнкер. Не обладая таким, как у Байера, научным кругозором, он постарался увязать древнюю историю края с его современным состоянием, свидетелем которого был. При этом он чувствовал себя увереннее, когда опирался на длинный перечень местных объектов и находил для них ассоциации с хорошо известными европейскими аналогами.

В 1738 г. «Азовская история» Байера вошла в гимназический курс как образцовый «русский автор»¹. Этому соответствовали и структура работы, и стиль изложения: разрозненные фрагменты объединены общим местом действия (значит, их можно проходить постепенно, от урока к уроку), в повествовании есть почеркнутая историчность и моральная оценка персонажей (материал подходит и для обучения, и для воспитания) [Костин, Костина, 2019, с. 177]. Этих качеств лишена другая «Азовская история» – юнкеровская. Тем не менее, будь она издана, то и сейчас вызвала бы интерес у читателей, поскольку написана отличным литератором и содержит уникальные сведения по археологии, географии, истории, этнографии. Вместе работы Байера и Юнкера с достаточной полнотой представляют историю региона, традиционно входившего в круг стратегических интересов России, показывают роль ученых и путешественников эпохи Просвещения в создании новой картины света, определении границ «цивилизованного» и «варварского» миров.

¹ В школьной традиции XVIII в. это номинация определенного типа учебного пособия, по аналогии с латинским автором, в роли которых выступали «Письма» Цицерона, «Тристии» Овидия и др.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг. [Т. 1]. СПб.: электротип. Н.Я. Стойковой, 1906. XLX, 556, 192 с.; [6], II, 304, 86 с.

[Байер Т.З.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. Пер. с нем. яз. чрез И.К. Тауберта, Академии наук адъютанта. 3-е изд. Санкт-Петербург: При Имп. акад. наук, 1738. 284 с.

Голицын В.Н. Портфели Г.Ф. Миллера. М.: тип. Г. Лесснера и А. Гешеля, 1899. 150 с. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. Сборник документов. Сост. П.А. Аваков; отв. ред. И.О. Тюменцев. Ростов н/Д.: изд-во ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.

Кирикова О.А., Костина Т.В. Предложение Г.Ф.В. Юнкера «касательно введения одинаковых книг во всех школах Российской империи» (1735 г.): к предыстории школьных реформ в России // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология*. 2020. № 58. С. 84–106.

Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 212 с.

Костин А.А., Костина Т.В. «Русский автор» в 1739 году: Г.З. Байер, И.И. Тауберт и формирование русского школьного канона // *Slověne*. 2019. Vol. 8. № 2. С. 163–197.

Материалы для истории Императорской академии наук: в 10 т. Под ред. М.И. Сухомлинова. Т. 6. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1890. 636 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 12. СПб.: тип. 2 Отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. 961 с.

Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 года: в 4-х т. Под ред. К.С. Веселовского. Т. 1. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1897. 869 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 1. Портф. 342. Ч. 1. Д. 6.

Санктпетербургские ведомости. 1736. 8 июля. № 55.

Санктпетербургские ведомости. 1736. 9 сентября. № 73.

Санктпетербургские ведомости. 1736. 27 декабря. № 104.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 3. Д. 19.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 23.

СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 2. Д. 5.

СПбФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 84.

СПбФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 120.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Ю. Д. 2.

Сыщиков А.Д. Список основных трудов Г.-З. Байера // *Готлиб Зигфрид Байер – академик Петербургской академии наук: Сборник статей*. Под ред. Н.П. Копаневой, С.Б. Кореновой, А.В. Прохоренко. СПб.: Европейский Дом, 1996. С. 67–71.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

[Bayer T.S.] *Alte Azowische und Crimische Begebenheiten // Sammlung Rußischer Geschichte*. Bd. 2. St. 1. St. Petersburg, Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaftten, 1736a. S. 36–80.

[Bayer T.S.] *Anmerckungen über den Ursprung der Kubeschaner und über den Handel der Genueser auf dem Schwarzen Meer // Sammlung Rußischer Geschichte*. Bd. 2. St. 1. St. Petersburg: Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaftten, 1736b. S. 6–22.

[Bayer T.S.] *Begebenheiten von Azow wie selbiges lange vor Christi Geburth von den Griechen erbauet und bewohnt worden, welche Völcker es sonsten zu verschiedenen Zeiten besessen, wie es samt den umliegenden Ländern vor alters unter Rußland gestanden, hernach in Polowzische, Genuesische und Türkische Hände gerathen, und wie es endlich von Rußland wieder erobert worden, in einem kurtzen Zusammenhange verfasst*. St. Petersburg: Aus der Kayserl. Academie der Wissenschaftten, [1737]. 242 p.

Guthke K.S. *Exploring the Interior: Essays on Literary and Cultural History*. Cambridge: Open Book Publishers, 2018. 366 p.

[Juncker G.F.W.] *Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dnepr, Aus einer Handschrift des ehemahligen Hof-Kammer-Raths Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker // Sammlung Rußischer Geschichte*. Bd. 9. St. 1. St. Petersburg: Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaftten, 1764. S. 1–84.

[Müller G.F.] *Eröffnung eines Vorschlages zu Verbesserung der Rußischen Historie durch den Druck einer Stückweise herauszugebenden Sammlung von allerley zu den Umständen und Begebenheiten dieses Reichs gehörigen Nachrichten*. St. Petersburg: Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaftten, 1732. 4 S.

Vermeulen H.F. *Before Boas. The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2015. 721 p.

REFERENCES

Baiov A.K. *Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny: Voina s Turtsiei v 1736–1739 gg.* [The Russian army in the reign of Empress Anna Ioannovna: War with Turkey in 1736–1739]. Vol. 1. St. Petersburg: Electric Printing House of N.Ya. Stoikova, 1906. XLX, 556, 192 p. (in Russian).

[Baier T.Z.] *Kratkoe opisaniye vseh sluchaev, kasayushchikhsya do Azova ot sozdaniya sego goroda do vozvrashcheniya onago pod Rossiiskuyu derzhavu* [Brief Description of All Events Relating to Azov from its Foundation till Giving it back under the Power of Russia]. Tr. I.C. Taubert. 3rd. ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1738. 284 p. (in Russian).

Golitsyn V.N. *Portfeli G.F. Millera* [G.F. Müller's Portfolios]. Moscow: Printing House of G. Lessner and A. Geshel', 1899. 150 p. (in Russian).

Zhurnaly Krymskikh pokhodov rossiiskoi armii 1735–1738 gg. Sbornik dokumentov [The Journals of the Russian Army Crimean Campaigns in 1735–1738. Collection of Documents]. Ed. P.A. Avakov; ex. ed. I.O. Tyumentsev. Rostov-on-Don, SSC RAS Press, 2017. 484 p. (in Russian).

Kirikova O.A., Kostina T.V. Predlozhenie G.F.V. Yunkera "kasatel'no vvedeniya odinakovykh knig vo vsekh shkolakh Rossiiskoi imperii" (1735 g.): k predystorii shkol'nykh reform v Rossii [G.F.W. Juncker's Proposal "for the Introduction of Identical Books in All Schools of Russian Empire" (1735): the Prehistory of School Reforms in Russia], in *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4: Pedagogika. Psikhologiya*. 2020. No. 58. Pp. 84–106 (in Russian).

Kopelevich Yu.Kh. *Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk* [Foundation of Petersburg Academy of Sciences]. Leningrad: Nauka, 1977. 212 p. (in Russian).

Kostin A.A., Kostina T.V. "Russkii avtor" v 1739 godu: G.Z. Baier, I.I. Taubert i formirovanie russkogo shkol'nogo kanona ["Russian Author" in 1739: G.S. Bayer, I.I. Taubert and the Formation of the Russian School Canon], in *Slověne*. 2019. Vol. 8. No. 2. Pp. 163–197 (in Russian).

Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk: v 10 tt. [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences: in 10 vol.]. Ed. M.I. Sukhomlinov. Vol. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1890. 636 p. (in German).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 12. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 961 p. (in Russian).

Protokoly zasedanii Konferentsii Imperatorskoi akademii nauk s 1725 po 1803 goda: v 4-kh t. [Minutes of the Conferences of the Imperial Academy of Sciences from 1725 till 1803: in 4 vol.]. Ed. K.S. Veselovsky. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1897. 869 p. (in Latin, German).

Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 199. Inv. 1. Portf. 342. Part 1. D. 6.

Sanktpeterburgskie vedomosti. 1736. 8 Iyulya. No. 55.

Sanktpeterburgskie vedomosti. 1736. 9 Sentyabrya. No. 73.

Sanktpeterburgskie vedomosti. 1736. 27 Dekabry. No. 104.

St. Petersburg Branch of the Archive of RAS (SPbF ARAN). F. 1. Inv. 3. D. 19.

SPbF ARAN. F. 1. Inv. 3. D. 23.

SPbF ARAN. F. 784. Inv. 2. D. 5.

SPbF ARAN. R. III. Inv. 1. D. 84.

SPbF ARAN. R. III. Inv. 1. D. 120.

SPbF ARAN. R. V. Inv. 1-Yu. D. 2.

Syshchikov A.D. Spisok osnovnykh trudov G.-Z. Baiera [List of the Main Writings by G.S. Bayer], in *Gotlib Zigfrid Baier – akademik Peterburgskoi akademii nauk: sbornik statei*

[Gottlieb Siegfried Bayer – an Academician of Petersburg Academy of Sciences: Collected Works]. Ed. N.P. Kopaneva, S.B. Koreneva, A.V. Prokhorenko. St. Petersburg, Evropeiskii Dom, 1996. Pp. 67–71 (in Russian).

Tunkina I.V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII–seredina XIX v.)* [Russian Science of the Antiquities of Southern Russia (18th–mid 19th Centuries)]. St. Petersburg: Nauka, 2002. 676 p. (in Russian).

[Bayer T.S.] Alte Azowische und Crimische Begebenheiten, in *Sammlung Rußischer Geschichte*. Bd. 2. St. 1. St. Petersburg, Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1736a. S. 36–80.

[Bayer T.S.] Anmerckungen über den Ursprung der Kubeschaner und über den Handel der Genueser auf dem Schwarzen Meer, in *Sammlung Rußischer Geschichte*. Bd. 2. St. 1. St. Petersburg, Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1736b. S. 6–22.

[Bayer T.S.] *Begebenheiten von Azow wie selbiges lange vor Christi Geburth von den Griechen erbauet und bewohnet worden, welche Völcker es sonsten zu verschiedenen Zeiten besessen, wie es samt den umliegenden Ländern vor alters unter Rußland gestanden, hernach in Polowzische, Genuesische und Türckische Hände gerathen, und wie es endlich von Rußland wieder erobert worden, in einem kurtzen Zusammenhange verfasst*. St. Petersburg: Aus der Kayserl. Academie der Wissenschaften, [1737]. 242 p.

Guthke K.S. *Exploring the Interior: Essays on Literary and Cultural History*. Cambridge: Open Book Publishers, 2018. 366 p.

[Juncker G.F.W.] Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dnepr, Aus einer Handschrift des ehemahligen Hof-Kammer-Raths Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker, in *Sammlung Rußischer Geschichte*. Bd. 9. St. 1. St. Petersburg, Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1764. S. 1–84.

[Müller G.F.] *Eröffnung eines Vorschlages zu Verbesserung der Rußischen Historie durch den Druck einer Stückweise herauszugebenden Sammlung von allerley zu den Umständen und Begebenheiten dieses Reichs gehörigen Nachrichten*. St. Petersburg, Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1732. 4 S. (in German).

Vermeulen H.F. *Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2015. 721 p.

Статья принята к публикации 22.12.2021